

25 лет спустя

В 1998 году – 150 номеров нашего журнала назад – в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел первый выпуск «Неприкосновенного за-
паса». Он имел другой подзаголовок, «Очерки нравов культурного сообщества», который довольно точно описывал его тогдашнюю повестку. В открывавшем первый номер предисловии создательница журнала Ирина Прохорова писала:

«Это журнал о культурном сообществе и для культурного сообщества (традиционно именуемого интеллигенцией), о его внутрицеховых проблемах, коллизиях и интересах, о противоречивой системе идей, которые оно порождает и предлагает затем обществу в целом, о проблемах его существования и функционирования как части социального организма и многое, многое другое»¹.

«НЗ» появился на свет в качестве «критико-эссеистического приложения к “НЛО”»; формат его был определен как «тонкий иллюстрированный журнал».

Читатель, который держит сейчас в руках этот 150-й выпуск, должен удивиться. Ведь нынешний «Неприкосновенный запас» – совсем не тонкий и почти не эссеистический журнал (не говоря уже о полном исчезновении литературной и прочей критики). Иллюстрации в нем бывают, но им отведена очень определенная функция: именно *иллюстрировать* положения,

1 <https://magazines.gorky.media/nz/1998/1/vmesto-predisloviya.html>.

ОТ РЕДАКЦИИ

которые выдвигаются, анализируются, обсуждаются в академических статьях, составляющих подавляющее большинство материалов издания. Ну, и, конечно, тематика. «НЗ» сегодня – это социальная, историческая и культурная антропология (отчасти, собственно, история), социальные и политические науки. Повестка его не ограничена «культурным сообществом», российской интеллигенцией и ее функционированием, хотя, конечно, это одна из важных постоянных тем. Наконец, «Неприкосновенный запас» сегодня – обо всем мире, включая Россию, а не наоборот: не о России, которая есть целый мир, как этого сегодня многие ни хотели бы утверждать.

За 25 лет «НЗ» прошел очень долгий путь, радикально изменился – но эти изменения соответствовали трансформации как мира/России, так и академического/культурного сообщества, производящего знание и отвечающего за рефлексию современных и исторических процессов. Перед тем, как сказать несколько слов об этой трансформации, являющейся, как мы видим, двусоставной, дуальной, стоит вспомнить еще об одном важнейшем событии в истории журнала.

Оно произошло в 2001 году, когда «Неприкосновенный запас» поменял подзаголовок на нынешний: «Дебаты о политике и культуре». Другим стал и дизайн, но главное, фокус постепенно стал наводиться на темы, которые находились (и находятся) за пределами нравов и воспроизводства российского культурного сообщества. Глядя из 2023 года, мы узнаем уже некоторые нынешние рубрики вроде «Культуры политики»; тогда же в журнале появился библиографический раздел с рецензиями на важные в общественно-политическом отношении книги. Нынешний «НЗ» возводит свою историю к обоим журналам – образца как 1998-го, так и 2001 года.

1998 год в России – это дефолт и начало конца правления Бориса Ельцина. Год, когда 1990-е иссякали не только хронологически, но и содержательно, когда в России заканчивался довольно короткий период между крахом СССР и началом строительства нынешнего режима. Культурное сообщество, утратив свою важнейшую социально-политическую роль времен перестройки, оказалось в кризисе, оттого проблема рефлексии по поводу своего места в обществе, механизмов своего существования и способов воспроизводства культуры (в том числе и гуманитарного знания) была остро актуальна. В 1990-е государство практически ушло из этой сферы по сравнению с советским временем; соответственно, нужно было вырабатывать все новое – стратегии, структуры, системы ценностей. «НЗ» образца 1998–2000-го пытался понять, удалось ли это.

Одновременно в 1998-м начал складываться уже новый консенсус тех – самых разнообразных, надо сказать – социальных

групп и политических сил, которые устали от неопределенности и неустойчивости 1990-х и продвигали свои повестки – часто очень непохожие, даже противоположные. Объединяло их желание покончить с предыдущим этапом (который они определяли в негативном ключе), перейдя к периоду «позитивного стабильного развития». Выборы 1999 года, назначение Путина премьер-министром, отставка Ельцина, начало первого путинского президентского срока – все это сопровождалось масштабной мобилизацией (медийной, политической и уже даже робко-идеологической, которая, конечно, на фоне происходящего сегодня кажется наивной), затмевающей мобилизацию времен президентских выборов 1996-го. Культурному сообществу здесь отводилась немалая роль, и часть его охотно эту роль принялась исполнять.

Культурное сообщество, утратив свою важнейшую социально-политическую роль времен перестройки, оказалось в кризисе, оттого проблема рефлексии по поводу своего места в обществе, способов воспроизводства культуры была остро актуальна.

В 2001 году стало ясно, что меняется общественно-политическая повестка, потому дискуссиями по поводу роли и места одного только культурного сообщества для «НЗ» ограничиться невозможно – так в журнале появляются многочисленные статьи социологов, политологов и экономистов. Начинается как раз то, что можно назвать «дебатами о политике и культуре». И с тех пор в нашем издании эти дебаты неуклонно приобретали все более строгий характер. Однако от этого ни свобода, ни даже живость дискуссий нисколько не пострадали, порукой чему – любой из последующих номеров «Неприкосновенного запаса», включая нынешний.

* * *

25 лет – большой срок для новейшей истории. Именно столько времени прошло между 1917 годом и 1942-м или между 1964-м и 1989-м. Несколько исторических эпох укладываются в два с половиной десятилетия. То же самое – с некоторыми важными оговорками – можно сказать и о периоде 1998–2023 годов. Любое издание, ставящее себе задачи и цели, подобные «НЗ», есть одновременно и порождение эпох своего существования, и инструмент их трансформации (в сколь бы незначительной

степени это ни происходило посредством влияния дискуссий и академического знания на общественное мнение). Такое издание есть одновременно рефлексия как собственной, так и «большой истории». 150 номеров и 25 лет спустя в России и мире, казалось бы, изменилось почти все, причем очень многое (как представляется) бесповоротно, но континуальность многих сюжетов присутствует и настаивает на своем.

Тогда и сейчас время, конечно, разное: от свободы 1998 года – почти (как сегодня кажется) безграничной – до сегодняшней (как сейчас представляется) почти тотальной несвободы интеллектуального, социального, политического высказывания. При этом, несмотря на глубочайшие изменения формата, подхода и круга авторов (что неизбежно за 25 лет), многое из того, о чем говорилось в «НЗ» 150 номеров назад, получив развитие, дошло до своего кажущегося предела. Например, в первом выпуске журнала можно прочесть статью историка Сергея А. Иванова «Лев Гумилев как феномен пассионарности», где автор подробно разбирает фигуру самого Гумилева, его работы и воззрения². В 1990-е Гумилев был популярен, но эта популярность все же носила характер, хоть и широкий, но несколько экзотический, предполагающий наличие некоего устоявшегося объективного знания, рационального понимания истории и просто здравого смысла, которые автор «Древней Руси и Великой Степи» пытался испытать на прочность. Сегодня официальная российская идеология во многом подпитывается в том числе и гумилевскими идеями – особенно в части, настаивающей на «евразийском характере» России и ее самоизоляции от Запада. Экзотические историсофские построения стали мейнстримом, общим местом, вшитым в повседневный пропагандистский и культурный обиход.

Конечно, пример Льва Гумилева не единственный – здесь можно проследить всеобщую тенденцию. Маргинальные идеологические системы и причудливые всеобъясняющие теории попали в мейнстримный медийный и политический дискурс во многих странах уже с середины прошлого десятилетия. К примеру, в США в 1998-м сложно было представить, что созданная за два года до этого «Fox News» станет проводником в мир конспирологических теорий и ультраправого радикализма для десятков миллионов американцев – так бесповоротно поменялся идеологический ландшафт в стране. В России 1993-го абсурдистская конспирология Сергея Курехина с отсылками к Александру Дугину и прочим казалась остроумной, хотя и затянутой шуткой; в сегодняшней России что-то официально сказанное в ином ключе воспринимается уже с удивлением, как нечто неожиданное.

2 <https://magazines.gorky.media/nz/1998/1/lev-gumilev-kak-fenomen-passionarnosti.html>.

Конечно, никакой ностальгии по 1998 году редакция «НЗ» не испытывает. Мы имеем ту историю и ту современность, которую сами и создали (см. выше). Не надо делать вид, что авторы и редакторы журнала – это (никогда не существовавшие на самом деле) хладнокровные обитатели научных башен из слоновой кости, хранители дистанции в отношении объекта рефлексии. Да, «Неприкосновенный запас» значительно поменял стиль, подход, способ говорения, превратившись из журнала чистой эссеистики и культурной журналистики в современное академическое издание. Однако гуманитарное знание, социальные и политические науки сегодня – это скорее «включенное наблюдение», нежели хладнокровные оценки с высоты академического Олимпа. Поменялся способ рефлексии, но точка, откуда она производится, осталась практически той же: она одновременно внутри и снаружи объекта рефлексии, причем сам рефлексирующий есть часть этого объекта – но часть особенная, специальная.

В этом, как и в континуальности повестки, мы видим продолжение того «НЗ», что был начат 150 номеров и 25 лет назад. Иногда кажется, что сегодня мы действительно «закрываем» многие сюжеты, возникшие в конце 1990-х и получившие, как водится, совсем иное развитие (или, наоборот, дословно «точное», буквальное развитие), нежели ожидали люди, их тогда придумавшие и сформулировавшие. К примеру, в то время некоторые российские политики и представители интеллигенции вели разговоры о желательности своего «русского Пиночета», разве что только слегка помягче, нежели Пиночет настоящий. Россия, пройдя сначала через периоды мягкого – а потом и не мягкого – бонапартизма, сегодня оказалась как раз в стадии «пиночетизма». Но если не прибегать к пошловатым рассуждениям в духе *karma is a bitch*, а попробовать осмыслить эту ситуацию в самом широком мировом контексте, то мы увидим, что произошедшее с российским государством и обществом вовсе не уникально. Дивный новый мир правого – и всякого иного – радикализма, «цифровой диктатуры», националистического исступления, консервативного ресентимента и бесконечных военных конфликтов, как гражданских, так и международных, был сформирован тогда, в 1990-е, через несколько лет после конца «холодной войны» и, как в то время казалось, полного торжества «открытого общества». 9/11 и XXI столетие случились после «конца истории», обещанного по завершении советского проекта.

Вот этот дивный новый мир – и то, как, почему и каким он получился – «Неприкосновенный запас» намерен обсуждать, анализировать, интерпретировать, пока это будет возможно в условиях данного исторического периода. [НЗ]

